
Философская мысль России второй половины XX века: проблемы и дискуссии

© 2019 г. Н.М. Смирнова

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: nsmirnova17@gmail.com

Поступила 05.05.2019

В статье рассмотрены проблемы историко-философского анализа отечественной философии второй половины XX века. Показано, что непреходящий вклад в ее изучение внесло фундаментальное 21-томное издание «Философия России второй половины XX века» (М.: РОС-СПЭН, 2009-2011), а также расширенное и дополненное англоязычное издание его завершающего тома «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд» (Bloomsbury Academic, 2019). В развитии отечественной философии второй половины XX в. отчетливо прослеживаются несколько периодов, соответствующих историческим этапам развития советского общества. В каждом из них основополагающие философские проблемы эпистемологии и философии науки, истории (в том числе, марксистской) философии, системные и деятельностные подходы, проблемы диалога, коммуникации, философской антропологии и философии культуры по-разному соотносены с господствовавшей идеологией официального марксизма. Показано, что, вопреки суждениям западной советологии о доминирующем влиянии марксизма, многие достижения советской философии 1960–1980-х годов могут быть изъяты из их изначального социокультурного контекста и успешно встроены в корпус современных философских исследований. Показано, что в эпистемологии и философии науки, а также и в реализации деятельностных подходов и т.п. отечественные философские разработки не только не уступали лучшим западным образцам, но и, невзирая на жесткие идеологические рамки советской философии, превосходили аналогичные философские исследования мирового уровня.

Ключевые слова: советская философия, марксизм, марксизм-ленинизм, творческое, догматическое, идеология, наука, философия науки, деятельность, история философии.

DOI: 10.31857/S004287440007171-3

Цитирование: *Смирнова Н.М.* Философская мысль России второй половины XX века: проблемы и дискуссии // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 154–164.

Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the XXth Century: Problems and Discussions

© 2019 г. Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: nsmirnova17@gmail.com

Received 05.05.2019

Some basic problems, concerning historical and philosophical analysis of domestic philosophy's development of the second half of the XXth century have been clearly observed in this paper. Substantiated, that fundamental 21-volumes' edition "Philosophy in Russia in the Second Half of the XXth Century" (Moscow, 2009-2011) and widened and supplemented English edition of its final volume "Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the XXth Century. A Contemporary View from Russia and Abroad" (Bloomsbury Academic, 2019), greatly contributed to its study. It has been made perfectly clear, that in the domestic philosophy of the second half of the XXth century's development we could single out a few distinct periods, correlated with the definite historical stages of Soviet society's evolution. Within the framework of them some basic philosophical problems of epistemology and philosophy of science, history of philosophy (including Marxist), system's and activity's approaches, the problems of dialogue, communication, philosophical anthropology and philosophy of culture correlated with Marxist official ideology in different ways. It has been clearly demonstrated, that many 60-80-years' Soviet philosophy achievements could be withdrawn from their initial philosophical and cultural contexts and acquired fresh interpretation in the light of contemporary philosophical investigations. It has been proved, that in epistemology and philosophy of science as well as in activity approaches' implementation, etc. our domestic philosophical elaborations, in spite of severe ideological restrictions, not only had been compatible, but also exceeded analogous high level world's standard philosophical investigations.

Key words: Soviet philosophy, Marxism, Marxism-Leninism, creative, dogmatic, ideology, science, philosophy of science, activity, history of philosophy.

DOI: 10.31857/S004287440007171-3

Citation: Smirnova, Natalia M. (2019) "Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the XXth Century: Problems and Discussions", *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 154–164.

Чем далее отходит в прошлое XX век, тем более осязаемы его духовные проекции в настоящем. Культурная миссия настоящего — осмыслить богатейшее наследие прошлого во имя будущего. В подобном вопрошании, осознанной потребности испросить будущее у прошлого — непреходящая культурная значимость масштабных философских рефлексий. Для нас они особо значимы в отношении профессиональных достижений отечественной философии второй половины XX века. Ибо именно в 1950-е годы она пережила рубежный период, отмеченный «прерывом постепенности» ее развития. Этот «перелом» (В.А. Лекторский), «разрыв» (А.А. Гусейнов), «третье философское пробуждение» (М.Н. Эпштейн) — важнейшая составляющая чрезвычайно сложного процесса возвращения отечественной философии к творческой разработке собственной проблематики.

Книжная серия «Философия России второй половины XX в.», совместно изданная Институтом философии РАН и Некоммерческим научным фондом «Институт

развития им. Г.П. Щедровицкого», внесла выдающийся вклад в осмысление нашего философского наследия. Редакционный совет серии, возглавляемый академиком РАН В.С. Степиным, составили В.А. Лекторский (гл. редактор серии), А.А. Гусейнов, А.К. Сорокин, В.И. Толстых и П.Г. Щедровицкий. Отдельные издания 21-томной серии, вышедшие в 2009 г. и посвященные философскому творчеству Г.С. Батищева, В.С. Библера, А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, внесли огромный вклад в осмысление их наследия и включение его в поток культурной трансляции. В 2010 г. появились книги, повествующие о творчестве В.Ф. Асмуса, М.М. Бахтина, Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, М.А. Лифшица, Л.Н. Митрохина, М.К. Петрова, С.Л. Рубинштейна, В.А. Смирнова, И.Т. Фролова, Г.П. Щедровицкого и Э.Г. Юдина. Отдельное издание «Российская философия продолжается» (под ред. Б.И. Пружинина) посвящено творчеству наших выдающихся современников: академиком В.С. Степина, Т.И. Ойзермана, А.А. Гусейнова и В.А. Лекторского. Опубликовано и специальное издание «Как это было: воспоминания и размышления» (под ред. В.А. Лекторского) – реконструкция социально-культурного контекста, в котором сформировались идеи выдающихся философов России второй половины XX века (рец. на эту книгу см. [Щедрина 2011]).

Опубликованный в 2014 г. завершающий том серии – фундаментальный коллективный труд «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд» [Лекторский (ред.) 2014] занимает особое место в много-томной серии «Философия России второй половины XX века». Он сфокусирован не на отдельных – пусть и высоко значимых – достижениях наших выдающихся соотечественников, но на остро дискуссионных проблемах, занимавших умы многих представителей философского сообщества. В их содержательной дискуссии – подлинной битве идей – победил каждый, кто в ней участвовал, но в первую очередь – наша отечественная философия.

Срединный излом прошлого века знаменует собой рубежный период «отрицания» отечественной философией того периода ее развития, когда систему философских координат задавало идеологически препарированное учение классиков марксизма-ленинизма. Он отмечен не только преодолением наследия догматизированного марксизма 30–40-х гг., но и романтическим порывом обновленного прочтения марксизма и придания ему гуманистического облика. Но за общностью обновленческих устремлений скрывается богатейшая палитра разнообразных точек зрения и философских позиций, которые необходимо исследовать во всем их идейно-теоретическом многообразии. И фундаментальный труд «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд» представляет собой высокопрофессиональный анализ узловых проблем развития отечественной философии второй половины XX века и вносит достойный вклад в их «освоение». Эта книга – вдумчивое рассуждение об ушедшем времени, философский анализ «за-текста» нашего исторического опыта, отмеченного напряженным *усилием быть* философом, подчас вопреки драматическим обстоятельствам своего времени. И если России в прошлом не суждено было сыграть особой, значительной роли в мировой философии, то философии (а именно, марксизму) суждено было сыграть особую роль в ее истории. И потому на излете второго десятилетия XXI века важно извлечь уроки из нашего исторического опыта «обмирщения философии» (К. Маркс) (см.: [Миронов 2018]).

«Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд» – это углубленный анализ творческих взлетов отечественной философской мысли, в середине прошлого века обретшей относительную свободу от оков догматической идеологии, стягивание в концептуальные узлы и реинтерпретация ее несвоевременных («блуждающих») откровений. Книга позволяет очертить силовые линии проблемного поля тогдашних философских дискуссий, выявить их концептуально-смысловые напряжения, высветлить вынужденно «затемненные» в условиях идеологической цензуры смысловые пространства отечественной философии. Это дает возможность по достоинству оценить выдающийся вклад наших предшественников-учителей во многие области профессионального философского исследования.

Помимо отечественных ученых, свой вклад в книгу внесли коллеги из университетов Франции, Финляндии, Италии, США и Канады, наши соотечественники, работающие в Германии, Швейцарии и США, а также те, кто ныне продолжает развивать философскую мысль на постсоветском культурном пространстве (Украина, Казахстан). Их взгляды различны, но всех их объединила общая задача — «извлечь на свет будущее нашего прошлого» (П. Рикёр) во имя нашего философского настоящего.

Англоязычный вариант книги — «Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the XXth Century. A Contemporary View from Russia and Abroad» (Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Vykova — eds. Bloomsbury Academic, 2019) — великолепный подарок ее редакторов не только отечественному, но и мировому философскому сообществу к 90-летию юбилею Института философии РАН. Вышедшая в престижном издательстве Bloomsbury Academic, книга уже обрела благоприятные отзывы со стороны ведущих западных специалистов. Так, Филип Грир в аннотации на обороте книги отмечает, что «...этот том проливает свет на центральные темы важнейших философских дискуссий позднесоветского периода, которые до сих пор не были оценены по достоинству. Следует поблагодарить редакторов за их энергичные усилия поправить ситуацию».

В лучших традициях западных академических изданий книга снабжена не только великолепным справочным аппаратом, включающим именную и предметный указатели, но и хронологией основных философских событий с марта 1953 (смерть И.В. Сталина) до декабря 1991 года (распад Советского Союза) [Lektorsky, Vykova (eds.) 2019, 385–397]. В ней представлена и библиография наиболее интересных философских изданий 1953–1991 гг. — перечень важнейших профессиональных достижений советских философов [Ibid., 398–413]. Английское издание отличается от русского рядом важных параметров: несколько изменены как общая структура издания, так и расстановка отдельных статей в ранее выделенных разделах, даны новые редакции прежних текстов. Издание обогатилось статьей Д. Бэкхерста «Панки против зомби: Эвальд Ильенков и битва за советскую философию», представляющей собою анализ тезисов Ильенкова и Коровикова о предмете философии 1954 г., историю их обсуждения на философском факультете МГУ вкупе с публикацией английского перевода самих Тезисов [Ibid., 66–75]. Англоязычный вариант книги украсила также новая статья А.А. Гусейнова «Учение о жизни Александра Зиновьева» [Ibid., 91–101].

В целом публикация призвана опровергнуть распространенное мнение известных западных советологов, например, Ю. Бохеньского или Г. Веттера, что *вся* советская философия пребывала под доминирующим влиянием догматизированного марксизма, — мнение, в возникновении которого свою роль сыграло и то, что марксизм как детище и радикальный вариант рационального дискурса западноевропейского Просвещения был для зарубежных коллег гораздо более заметным и узнаваемым элементом советской философии, чем идеи и учения, развивавшиеся на русской почве (религиозно-православная философия, русский космизм и т.п.). И хотя сегодня пелена предрасудков в отношении советской философии мало-помалу рассеивается, западные интеллектуалы и по сей день пребывают в плену старых догм относительно реальных достижений советской философии второй половины XX в. Эвристически ценным, с этой точки зрения, является выделение в ней *творческого* и *догматического* уровней, предложенное А.А. Гусейновым [Лекторский (ред.) 2014, 8; Lektorsky, Vykova (eds.) 2019, 91]. История соотношения «догматического» и «творческого» не проста и драматична. Творческое не надстраивалось *над* догматическим как своим основанием («базисом»), но *прорастало сквозь него*, подобно тому, как пробивает асфальт молодая зеленая поросль.

Англоязычное издание книги позволяет западным интеллектуалам воочию убедиться в том, что и в советский период в нашей философии пульсировала живая мысль. В.А. Лекторский убедительно показывает, что, помимо официальной философии в лице М.Б. Митина, П.Ф. Юдина и Ф.В. Константинова, было и то, чего, казалось бы, не должно было быть в чрезвычайно идеологизированном философском сообществе: в нем творили яркие личности, идеи которых до сих пор не потеряли своего значения — в нынешнем культурном контексте, в свете современных

философских исследований они получают новое звучание [Там же, 25; Ibid., 20]. Одни из этих философов (А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин и др.) изначально оппонировали марксизму, другие пытались придать ему «человеческий облик». Так, А.Ф. Лосевым были высказаны идеи построения нового знания в науках о человеке — в философии мифологии, языка, музыки, — и, пожалуй, со времен Э. Кассирера европейская мысль не знала столь масштабного исследования философии символических форм. Г.Г. Шпет (труды которого пришли к нам сегодня благодаря деятельным усилиям Т.Г. Щедриной) одним из первых обратился к разработке проблем семиотики, а неортодоксальный марксист А. Богданов развивал универсальную организационную науку, заложившую основы системного анализа.

В период хрущевской «оттепели» 50-х — 60-х годов XX века в России складывается уникальная атмосфера «интеллектуальной общительности», возникает тяготение к объединению в неформальные кружки и «незримые колледжи», происходит диверсификация официальной марксистской философии на ряд школ и направлений, лишь номинально остававшихся марксистскими. Это было «большое время» (М.М. Бахтин) советского философского мышления. На философском небосклоне «столетнего десятилетия» (Е. Замятин) блистали звезды первой величины: Э.В. Ильенков, М.М. Бахтин, Г.С. Батищев, О.Г. Дробницкий, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и др., которые распахивали окна советской философии в новые смысловые дали. Особый интерес для современных исследователей представляют идеи Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева. Эти выдающиеся мыслители, начинавшие профессиональную деятельность с реконструкции логики «Капитала» К. Маркса, в своих философских предпочтениях глубоко различны: первый тяготел к неогегельянству, второй — к аналитической философии. Т. Рокмор (не вполне согласный с ильенковским пониманием марксизма как научной формы эмпиризма) констатирует: «...вклад Ильенкова состоит в ослаблении оков догматического марксизма-ленинизма, для которого, в соответствии с марксистской теорией отражения, марксистская философия принимает форму более или менее верного отражения советской политики» [Там же, 202; Ibid., 188]. Ильенков и Зиновьев — символы той эпохи: первый олицетворял зарю «философской оттепели», второй — закат окрыляющей веры в возможность «социализма с человеческим лицом» [Там же, 28–29; Ibid., 22–23].

В 50-е — 80-е годы организационно оформляются новые направления философской мысли: структурализм (Тартуско-московская школа Ю.М. Лотмана), методология деятельностных игр (методологический кружок Г.П. Щедровицкого), философско-методологические школы в Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске и Минске. Это время феноменологических рефлексий М.К. Мамардашвили («Картезианские размышления»), неорационализма В. Налимова (вероятностные подходы к языку и биосфере), философии культуры М.М. Бахтина и М.К. Петрова. Но наибольшее развитие в эти годы обрели такие области философского исследования, как эпистемология и философия науки. «Особенность философского Ренессанса в Советском Союзе в 60-е — 80-е гг., — полагает В.А. Лекторский, — в том, что он был первоначально связан с ориентацией на философский анализ познания, мышления, науки» [Там же, 29; Ibid., 23]. Эти направления оказались наиболее свободными от оков идеологического принуждения и в наибольшей мере отвечали технократическим устремлениям тогдашнего политического истеблишмента. Но, по справедливому суждению Б.И. Пружинина, невозможно рассуждать об эволюции этих отраслей философского знания, не учитывая бурного развития советской науки. «Я настаиваю, — утверждает он, — что рассуждать о судьбах и статусе философии науки в СССР в 60–80 гг. следует, учитывая ее отношение к науке того времени, причем к науке, прежде всего, отечественной» [Там же, 106; Ibid., 143]. Животворная атмосфера ценности свободной интеллектуальной дискуссии и доказательной значимости рационального аргумента сформировала высочайший культурный авторитет отечественной науки в глазах советской интеллигенции, открыла возможность для преодоления узкоконъюнктурной установки в исследованиях и выхода на осмысление фундаментальных проблем, как в самой науке, так и в философии — пусть и не без неизбежной

оглядки на пресловутый народно-хозяйственный результат [Пружинин, 2009]. Размышления о порождающих эффектах средств и операций научной деятельности, месте и роли субъекта-наблюдателя в передовых областях современной физической науки сформировали когнитивные предпосылки становления образа науки в парадигмах неклассической и постнеклассической рациональности [Степин 2000].

Анализируя социокультурные факторы научной деятельности, Вячеслав Семенович Степин убедительно показывает, что между политическим режимом и культурной пассионарностью не существует простой и однозначной зависимости. Вопреки идеологической цензуре, российская философия науки в 60-е – 80-е годы добилась заметных достижений. К их числу следует отнести также разработку практически-деятельностных аспектов научного познания у П.В. Копнина, анализ проблемы дифференциации и интеграции научного знания в работах Б.М. Кедрова, исследование взаимосвязи философии и науки на основе философского осмысления квантоворелятивистской физики в трудах М.Э. Омеляновского. В числе достижений того времени – активизация логических исследований в целом и применение современных логических средств к анализу научного познания у А.А. Зиновьева, разработка деятельностного подхода в философской методологии Г.П. Щедровицкого. Философскими импликациями новейших достижений современной науки активно занимались Л.Б. Баженов, Ю.В. Сачков, И.А. Акчурин, Ю.Б. Молчанов и многие другие.

Наши философы смогли не только осуществить конструктивную критику позитивистской и постпозитивистской парадигм философии науки, но и получить принципиально новые результаты в сравнении с аналогичными западными исследованиями [Там же, 100–102; Ibid., 118–119]. Во-первых, значительно глубже проанализировать взаимосвязь философии и науки: была прослежена эвристическая роль философских идей в становлении фундаментальных научных теорий и обосновано введение категориальных матриц для теоретического осмысления новых типов объектов, были выявлены когнитивные механизмы формирования таких матриц в философской деятельности, проанализированы функции обоснования результатов фундаментальных исследований и их включения в поток культурной трансляции.

Во-вторых, в трудах по философии науки 70-х годов более скрупулезно, чем в аналогичных западных исследованиях, была изучена структура научного знания: обосновано, что теоретические конструкты, входящие в состав теоретических высказываний, суть лишь первые приближения в описании содержательной структуры теории; определены связи между уровнями описания теоретических конструктов и уровнем эмпирических знаний; установлены связи между операциональными и объектными смыслами эмпирических и теоретических высказываний; введены понятия картины мира, идеалов и норм научного исследования, философских оснований науки; показана их роль в анализе исторического развития науки; выявлено, что единицей методологического анализа науки является не отдельно взятая теория в ее связи с опытом, но научная дисциплина как система развивающихся теорий, включенная в междисциплинарные взаимодействия.

В-третьих, отечественная философия науки сумела показать ограниченность (традиционного) гипотетико-дедуктивного метода в анализе процедур логического развертывания теории и одновременно эвристический потенциал генетически-конструктивного метода, основанного на мысленных экспериментах с идеализированными объектами в соответствии образцами решения задач, включенными в состав теории.

Наконец, в-четвертых, были выявлены принципиально новые аспекты проблемы роста научного знания на основе нетривиальных представлений о его структуре. Были также проанализированы логико-методологические основания процесса выдвижения научных гипотез: роль научной картины мира, аналоговых моделей, способов формирования гипотетического ядра научной теории. Отечественные философы открыли и описали процедуру конструктивного обоснования теоретических моделей, продемонстрировали несостоятельность неопозитивистского противопоставления логики обоснования и логики научного открытия.

В их исследованиях более глубоко, чем в аналогичных западных разработках, изучена типология научных революций, очерчена роль междисциплинарного взаимодействия и

социокультурных факторов в их генезисе, проанализирована их связь с изменением исторических типов рациональности, выявлены и описаны три основных исторических типа научной рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая. Показано, что каждый новый тип рациональности «не отменяет» предыдущего, но полагает когнитивный предел его применимости [Там же, 103–104; *Ibid.*, 122–125].

Среди областей философского знания, наиболее активно развивавшихся в те годы, следует упомянуть и различные варианты деятельностных и конструктивистских подходов в философской методологии и науках о человеке, философской антропологии и философии культуры. Общие принципы деятельностного подхода в отечественной философии были разработаны Г.С. Батищевым, В.А. Лекторским, В.С. Швыревым и др., а наиболее законченную форму он обрел в «Общей теории деятельности» Г.П. Щедровицкого и в ее различных практических развертках.

Поучительны философские метаморфозы деятельностного подхода на отечественной почве. Поначалу воспринятый как выражение глубинной сущности марксистской диалектики, как принцип философского опосредования «субъективного» и «объективного» — оппозиции, свойственной европейской философии со времен Декарта, — он прошел долгий путь эволюции от восторженного почитания до почти полного отрицания, в том числе и его бывшими адептами. Одни подчеркивали важнейшую роль созерцания в жизни человека, обособляя его от деятельности (С.Л. Рубинштейн: «величие человека не только в деянии, но и в созерцании»), другие — значимость общения (как субъект-субъектного отношения) и его несводимость к предметной деятельности (Г.С. Батищев) [Там же, 247–312; *Ibid.*, 209–255]. Сегодня чрезвычайно важно оценить эвристический потенциал развитых в то время деятельностных подходов в философии и науках о человеке в контексте когнитивных вызовов со стороны современных телесно-ориентированных и радикально конструктивистских установок.

Представление о постнеклассической научной рациональности В.С. Степина существенно расширило методологическую проблематику философии, обогатив ее проблемами аксиологии и научной этики. Так философия науки «наводила мосты» к философии человека — главного объекта философского исследования на все времена.

В противовес теоретической «дальнозоркости» исторического материализма, возрос интерес к личностным характеристикам человеческого бытия. Он воплотился в серьезных разработках проблем этики (О.Г. Дробницкий, А.А. Гусейнов и др.) и «логической социологии» А.А. Зиновьева. Огромную роль в развитии гуманитарного знания сыграли взгляды двух корифеев отечественной мысли: М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Философия поступка была разработана М.М. Бахтиным в первой половине 20-х годов, но достоянием философской общественности стала лишь после публикации текста «К философии поступка» в 1986 году, и по факту вхождения в пространство философского знания принадлежит рассматриваемому периоду развития отечественной философии. Н.С. Автономова снимает (в гегелевском смысле) два уровня мифологических напластований относительно концептуальных расхождений в философских позициях Бахтина и Лотмана. С одной стороны, это упрощенное представление о едва ли не «линейной» преемственности взглядов обоих мыслителей: «один начал, другой продолжил» — подобную точку зрения она обнаруживает в известной работе И.Т. Касавина «Текст. Дискурс. Контекст» [Касавин 2008], с другой — это абсолютное противопоставление их позиций: М.М. Бахтин — певец речевой стихии, диалога, недосказанности, тогда как Ю.М. Лотман — творец жесткой, структуралистской систематизации семиосферы по образцу естественнонаучной классификации. Скрупулезно (на материале в том числе писем, заметок и черновых записей) сопоставляя взгляды обоих мыслителей, Н.С. Автономова убедительно показывает, сколь важное значение придавал М.М. Бахтин внедиалогическим формам мышления, а Ю.М. Лотман — историческим параметрам социокультурного кодирования.

Непубличная полемика двух корифеев советской философско-гуманитарной мысли оказала огромное влияние не только на развитие философии языка, но и на культуру в целом, включая философию как рефлексию над ее предельными основаниями. М.М. Бахтину посвящена как отдельная книга в рамках всей серии, так и многочисленные

статьи на страницах англоязычного издания ее последнего тома, переоткрывающие его наследие для современного читателя. В рамках советской философии профессиональный диалог с Бахтиным был затруднителен в силу советски-марксистской «экстерриториальности» (по выражению М.К. Мамардашвили) последнего. Он, как «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», более полувека озарял небосклон отечественной философии, раздвинув ее горизонт в новые смысловые дали, выходявшие далеко за пределы ортодоксального марксизма и исподволь его подрывавшие. Во-первых, тем, что его философия диалога утверждала жесткий запрет на монологичность и признание одной-единственной истины; во-вторых, тем, что переосмысливала место человека в мире, связывая его бытие со сферой *поступка* («я поступаю мыслью»). Бахтинская «философия поступка» акцентировала роль личности в истории и противостояла догматическо-марксистскому фатализму объективно-исторических законов. Наконец, в-третьих: артикуляция диалогической коммуникации имплицитно содержала идею плюрализма способов бытия человека как субъекта свободного выбора. Несвоевременность идей М.М. Бахтина обернулась тем, что все мы – опоздавшие (на целую эпоху) собеседники М.М. Бахтина, «разновременники» его современности.

Тем не менее, вопреки своей идеологической несвоевременности, идеи М.М. Бахтина глубоко проросли на почве отечественной философии второй половины XX века в трудах В.С. Библера, Г.С. Батищева, Ю.М. Лотмана и др. Интеллектуальные диалоги этих глубоко индивидуальных мыслителей с М.М. Бахтиным разворачивались по сложной траектории притяжения – отталкивания. По справедливому замечанию М.Е. Соболевой, они думают *вместе* с Бахтиным, но *вопреки* ему [Там же, 352; Ibid., 289]. Так, В.С. Библер и Г.С. Батищев отличались особой приверженностью к диалектике, тогда как бахтинский полифонизм глубоко антидиалектичен. Но именно поэтому он и более последователен – у Гегеля, как известно, противоречия примиряются в основании, т.е. на более глубоком уровне синтеза, не оставляя места для подлинного многоголосия и полифонии смысловых центров. Структуралистская же кодификация семиосферы Ю.М. Лотмана концептуально противостояла лексической стихии бахтинского «карнавала». Благодаря усилиям Ю.М. Лотмана и Вяч. Иванова, М.М. Бахтин навсегда войдет в историю семиотики несмотря на то, что был ее противником.

Творческий диалог отечественных мыслителей с М.М. Бахтиным стимулировал профессиональный интерес не только к философским проблемам языка и общей теории культуры, но и к культурно-антропологическим проблемам. Сравнив бахтинский «поступок» с аналогичными определениями, например, в немецкой «понимающей» социологии, увидим, что М.М. Бахтин существенно расширяет содержание этого понятия, вводя в него экзистенциально-личностную составляющую. Каждая содержательная мысль, по Бахтину, уже есть ответственный поступок – из них слагается жизнь-поступок. Поступок более чем рационален – он ответственен; рациональность – лишь момент ответственности, ответственного отношения к Другому.

Полагаю, что мы вправе считать М.М. Бахтина и со-основоположником концепции интересубъективности, трансцендентальные основания которой, как известно, заложены Э. Гуссерлем. Но, в отличие от своего великого немецкого коллеги, М.М. Бахтин акцентирует онтологически-событийную значимость встречи двух сознаний как соучастников в определении смыслов. Там, где отец-основатель феноменологии видит лишь различие в модусах пространственной данности (*hic – illic*), М.М. Бахтин усматривает отношение *напряженной внеаходимости*, а апперцептивно улавливаемое сходство кинестетических движений двух тел (Гуссерль) М.М. Бахтин обращает в различие миров в зрачках глаз.

Касаясь вклада отечественных философов в философскую антропологию, нельзя снова не упомянуть Э.В. Ильенкова и Г.С. Батищева. Оба они решительно выступали против социально-биологического дуализма в понимании сущности человека. Острые их критики, как показывает А.А. Хамидов, направлено против представления о биосоциальной природе человека как «неизбежно дуалистического». Сущность человека, утверждает Э.В. Ильенков, следуя Марксову определению сущности человека как ансамбля социальных отношений, носит исключительно социальный характер.

Будучи проведен последовательно, биосоциальный дуализм ведет к дурной бесконечности («социо-био-химический-электрофизический-микро и квантово-физический и т.д.»). По Г.С. Батищеву, не организм — носитель *человеческого* — биологическое составляет лишь предпосылку последнего, хотя и важнейшую, и не в состоянии конституировать сущность человека. Человек — существо трансцендирующее, и способом его бытия в мире является *творчество* [Там же, 405; *Ibid.*, 327]. Г.С. Батищев усматривает мировоззренческое основание биосоциального редукционизма в абсолютизации роли и статуса потребностей и интересов в жизнедеятельности человека и общества — подмене «потребностями» высших ценностно-смысловых содержаний человеческого бытия. «Потребностная» точка зрения, по Г.С. Батищеву, составила основу для многих видов натурализации и биологизации человека. В свою очередь, С.Л. Рубинштейн, а впоследствии и Г.С. Батищев, осознают необходимость не ограничиваться в истолковании человеческой сущности ее социальным измерением. Сущность и способ бытия человека — глубоко онтологический феномен. Появление человека в мире *онтологически* меняет его характеристики. Вселенная с появлением человека — это уже *осмысленная* Вселенная, подверженная изменениям разумными действиями человека.

Немалый вклад внесли отечественные исследователи и в развитие мировой историко-философской мысли, в том числе, в философскую интерпретацию учений Гегеля и Маркса. Уникальность нашей *философской* истории философии М.Ф. Быкова усматривает в том, что, будучи относительно удалена от идеологических и политических влияний своего времени, история философии оказалась подлинным идейным прибежищем для оригинально мыслящих советских философов. Правда, и историко-философской науке не удалось в полной мере избежать идеологического принуждения. Оно выражалось, с одной стороны, в попытке дать интерпретацию всей предшествующей истории философии как предистории марксистско-ленинской теории (советского варианта марксизма), а с другой — в стремлении «углубить и всесторонне развить» ленинскую критику так называемой «буржуазной философии» [Там же, 177; *Ibid.*, 168]. Но, вопреки этому, «...историко-философские исследования оставались образцами взвешенного критического историко-философского анализа, соответствовавшего, и даже в чем-то превосходившего, лучшие стандарты мировой историко-философской практики» [Там же, 177; *Ibid.*, 169].

Рецепция учения К. Маркса в России в XX в. демонстрирует удивительные метаморфозы: от восприятия марксизма как универсальной матрицы философского мышления, до практически полного отрицания его философской значимости как ответственного за наше тоталитарное прошлое. Все советские философы означенного времени, так или иначе, соотносили свои концептуальные построения с марксизмом: будь то вера в возможность «марксизма с человеческим лицом» (Э.В. Ильенков) или попытки его усовершенствования на базе современных научно-философских изысканий («субъективный материализм» И.С. Алексеева).

Как это ни парадоксально, официально-идеологический статус марксизма в качестве легитимирующего философского дискурса — «истины в последней инстанции», обязательной к цитированию, — открывал непризрачную возможность скрыть за частотой ритуальных цитат из трудов основоположников живую философскую мысль. Да, необходимость лукавить — мол, мысль отнюдь не твоя, и ты лишь указал на доселе сокровенные глубины марксистской теории, — конечно же, «подозрела крылья». Но доскональное знание текстов основоположников, умение подобрать тематически подходящую цитату позволяли смело нести свежие идеи на суд искушенного в подобных уловках читателя.

Сегодня как никогда остро стоит задача очистить учение К. Маркса от огульной критики поверхностного журнализма и политического популизма, осуществить корректную историко-философскую реконструкцию его учения, дабы вписать его в общий контекст истории новоевропейской философии. Начало этой работы было положено именно во второй половине XX в. высоко профессиональными исследованиями истории формирования марксизма Т.И. Ойзермана, реконструкцией взглядов молодого Маркса Н.И. Лапина, углубленным анализом логики «Капитала» К. Маркса

в трудах А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова и В.А. Вазюлина. Их философско-методологические реконструкции убеждали современников в том, что марксизм, как и всякое подлинно глубокое философское учение, еще не сказал своего последнего слова.

По сей день не получил должного признания вклад отечественных философов второй половины XX века в содержательный анализ истории западной философии, особенно философии XX в. Ведь история современной западной философии в то время неизменно подавалась как «критика» – и отнюдь не в кантовском смысле этого слова. Тем не менее под камуфляжем идеологически-оценочных ярлыков («буржуазная», «империалистическая» и т.п.) скрывался глубокий анализ и скрупулезное распутывание тончайших концептуальных узелков философских построений ведущих западных философов, вопреки «железному занавесу» хорошо известных нашим отечественным исследователям. Огромный вклад в анализ западной философии и развитие профессионального философского образования внесли А.С. Богомолов, И.С. Вдовина, Б.Т. Григорян, А.Ф. Грязнов, Т.Б. Длугач, А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвиль, Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьев, В.В. Соколов, Н.С. Юлина и многие другие. Не получили должного освещения и труды наших крупнейших историков восточной философии. Их выдающийся вклад в отечественную историографию философии второй половины XX века, я уверена, еще ждет своих исследователей.

Завершая далеко не полный обзор философских взглядов и дискуссий второй половины XX века, отмечу и важные содержательно-оценочные *«растождествления»*. Полагаю, что вдумчивый анализ судьбы отечественной философии, мучительных усилий по преодолению узких рамок догматизированного марксизма и ее последующий выход на широкие просторы европейского культурного ландшафта не оставляют шанса на жизнь упрощенно-уничжительным взглядам на ее развитие по траектории «от нелепого к более нелепому». Представленный в серии «Философия России второй половины XX века» концептуальный анализ развития отечественной философии этого периода никак не соответствует утверждению К.А. Свясяна, что эволюция советской философии проходила стадии «брожения, стагнации и распада» [Там же, 64; Ibid., 82].

Впрочем, неудивительно, что оценки профессиональных достижений философии России второй половины XX века, равно как и ее совокупного вклада в культуру этого периода, различны – такова уж сложность этого предмета. Но я уверена, что его исследования только начинаются. Ведь это *наша* «эпоха, схваченная в мыслях», и мы должны ее знать. И серия трудов «Философии России второй половины XX века» вносит выдающийся вклад в это важнейшее философское предприятие.

Ссылки – References in Russian

Касавин 2008 – Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008.

Лекторский (ред.) 2014 – Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд /Под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014.

Мионов 2018 – Мионов В.В. Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 119–130.

Пружинин 2009 – Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контурь социально-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.

Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Щедрина 2011 – Щедрина Т.Г. Архив эпохи: страницы истории философии в России второй половины XX века // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 123–132.

References

Kasavin, Ilya T. (2008) *Text, discourse, context. Introduction to the social epistemology of language*, Kanon+, Moscow (In Russian).

Lektorsky, Vladislav A., Bykova, Marina F., eds. (2019) *Philosophical thought in Russia in the second half of the XXth century. A contemporary view from Russia and abroad*, Bloomsbury Academic, London.

Lektorsky, Vladislav A., ed. (2014) *Problems and discussions in the philosophy of Russia in the second half of the XXth century. A contemporary view*, ROSSPEN, Moscow (In Russian).

Mironov, Vladimir V. (2018) 'Marx and Russia: the Difficulties of Mutual Perception', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 119–130 (In Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2009) *Ratio serviens? Contours of socio-historical epistemology*, ROSSPEN, Moscow (In Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2011) 'Archive of the Epoch: Pages of the History of Philosophy in Russia of the Second Half of the 20th Century', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2011), pp. 123–132 (In Russian).

Stepin, Vladislav S. (2000) *Theoretical knowledge (structure, historical evolution)*, Progress-Traditsiia, Moscow (In Russian).

Сведения об авторе

СМИРНОВА Наталия Михайловна –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель
сектора философских проблем творчества
Института философии РАН

Author's information

SMIRNOVA Natalia M. –
DSc in Philosophy, Professor, Principal Re-
searcher, Head of the sector of philosophical
problems of creativity of the Institute of Phi-
losophy RAS